

М.Б. МЕЙЛАХ

Вселенная осознает самое себя через человека

В статье известный филолог, поэт и переводчик, многие годы друживший с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, ограничился воспоминаниями о своем общении с ним. Считая, что сама фигура Иванова не требует специального описания его заслуг перед наукой, автор сосредоточивается на конкретных эпизодах их общения. Текст дает представление и об общей атмосфере, в которой истинные ученые в советский период отстаивали свое право на свободное научное творчество, и конкретно о том, как сам Вячеслав Всеволодович не только для себя, но и для связанных с ним коллег, создавал островки свободы и независимости.

Ключевые слова: Вячеслав Всеволодович Иванов, лингвистика, свобода научного творчества, этика науки.

DOI: 10.31857/S086904990005812-5

Научные заслуги Вячеслава Всеволодовича Иванова настолько известны, что я не буду повторять очевидное, но постараюсь сосредоточиться на его личности, его огромном обаянии и редкостной доброжелательности, рассказав об истории нашего знакомства, затем – встреч и отношений. Надеюсь, эти заметки также дадут некоторое дополнительное представление о позднесоветской эпохе, на которую пришлось большая часть нашей жизни, когда, благодаря талантливым и внутренне независимым людям, происходил бурный расцвет гуманитарных наук, несмотря на все чинимые властями препоны и рогатки. Диапазон неприятия постсталинской советской власти простирался в нашей среде от иронического (хотя бывало и не до смеха) и скептического до пассивного, а иногда и более активного противостояния ей. В общем, как говорит герой Зоценко, – в таких случаях лучше танцевать, чем петь.

С Вячеславом Всеволодовичем мы впервые встретились, когда я был еще студентом. Это произошло на симпозиуме по психологии творчества, организованном моим отцом и проходившем в обладавшем некоторым особым шармом старом Доме писателей в Петербурге – одном из особняков графов Шереметевых на Шпалерной улице (отняв его у Союза писателей под предлогом пожара, власти по сей день не могут, кажется, его поделить). В программу симпозиума входил замечательный фильм Криса Маркера “Взлетная полоса” (La Jetée) с синхронным переводом в моем исполнении; сюжет фильма связан с проблемой времени и вечного возвращения – мифологического мотива, которому посвятил книгу Мирче Элиаде и к которому мы впоследствии не раз возвращались в разговорах с Вячеславом Всеволодовичем.

Помню его затем на похоронах Ахматовой. Когда кортеж остановился возле дома “на Широкой” (в советское время улица Ленина), он вместе с Бродским пересел в такси из автобуса, доставлявшего поехавших на кладбище в Комарово. (С Бродским мы оба дру-

---

Мейлах Михаил Борисович – доктор филологических наук, заслуженный профессор Страсбургского университета. Адрес: Faculté des Langues – Département d'études slaves, 22 rue René Descartes BP 80010 67084 Strasbourg Cedex. E-mail: mmeylac@gmail.com

жили, а утром того же дня мы вместе с Иосифом ездили на кладбище, чтобы убедиться, что там все подготовлено – разрешение было получено в последнюю минуту.) А заканчивая в следующем году университет, я писал дипломную работу на кафедре общей лингвистики под руководством Юрия Сергеевича Маслова, предложившего мне тему, казавшуюся тогда многообещающей, – применение количественного подхода к морфологической типологии по методу американского лингвиста Джозефа Гринберга. Его статья была незадолго до того напечатана в одном из периодически выпускавшихся сборников “Новое в лингвистике”.

Я обработал множество переводов на различные языки выбранного мною библейского псалма, но тема была действительно новой, и я считал за благо посоветоваться с Вячеславом Всеволодовичем, уже зная, что он отличается необычайной чувствительностью к новым идеям, нередко развивая их в неожиданном направлении. Посетив Вячеслава Всеволодовича в его московской квартире – тогда еще в Лаврушинском переулке, – я обратил внимание на множество книг, которые не помещались на полках; они лежали стопками на полу, занимая половину стены. (Помню: Владимир Николаевич Топоров говорил – как пастух может мгновенно опознать и найти каждую овцу в своем стаде, так и Вячеслав Всеволодович моментально доставал из этой кучи нужную ему книгу.) Вячеслав Всеволодович отослал меня к Татьяне Яковлевне Елизаренковой, жене Топорова, которая использовала метод Гринберга в приложении к индоарийским языкам и которую я посетил в Институте востоковедения – в кабинете Юрия Николаевича Рериха. Статья на основе моего диплома была потом напечатана в сборнике “Проблемы грамматического моделирования” под редакцией Андрея Анатольевича Зализняка.

Что же касается чувствительности Вячеслава Всеволодовича к новым плодотворным идеям, то в этой связи упомяну множество его различных подходов к антропологии или лансированное в русской науке им и Топоровым изучение анаграмм. Оно было начато еще Фердинандом де Соссюром, который, однако, недооценил их значение (мы шутили, что сама фонетика имени-отчества Вячеслава Всеволодовича скрывает анаграмму священного имени “Вездесущ Всеведущевич”). В своей работе я пробовал приложить анаграмматический принцип к некоторым текстам трубадуров (разумеется, средневековых), а в 1970-х гг. написал по-французски довольно обширную статью об анаграмматических исследованиях, главным образом в России, которая по рекомендации Романа Осиповича Якобсона была напечатана в журнале “L’Homme”.

Также забегаю вперед, расскажу о любопытном эпизоде. В один из приездов Вячеслава Всеволодовича в Петербург в начале 2000-х гг. на конференцию, посвященную столетию Даниила Хармса, мы поехали с ним и Светланой Леонидовной, его женой, кататься на катере по каналам – с воды Петербург, особенно белой ночью, выглядит совсем иначе. Среди прочего, я задал ему вопрос – почему, по его мнению, цивилизация *homo sapiens*’а в течение сотни тысячелетий (а скорее всего, и дольше) развивалась так медленно, а в течение последних 10 тысячелетий – так быстро? Ответ Вячеслава Всеволодовича, которого я знал как ученого, если и склонного к смелым гипотезам, то основанным на фактах, и по крайней мере чуждого всякой мистике, меня поразил. Я услышал: “Это было нужно в космическом масштабе” (может быть, он сказал – “в планетарном”). Что он имел в виду, я понял лишь много лет спустя, когда он стал открыто говорить о так называемой необычайно красивой “антропной гипотезе”, согласно которой появление человека было необходимо, чтобы Вселенная могла сама себя осознать. Но в последние годы он смотрел на судьбу человечества достаточно пессимистически – никакие попытки сознательного управления с помощью его наиболее разумных представителей (в частности, “Римского клуба”, членом которого был друг Вячеслава Всеволодовича Сергей Петрович Капица) не увенчались успехом, тогда как накопленный разрушительный потенциал угрожает всему человечеству с все большей силой.

Но вернемся к годам моей молодости. Окончив университет, я поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР к академику Виктору Максимовичу Жирмунскому,

мечтавшему возобновить изучение старопровансальского языка и трубадуров, процветавшее в Петербурге в годы его собственной молодости. Виктор Максимович специально меня к этому готовил и получил для меня аспирантское место. Более тесное наше знакомство с Вячеславом Всеволодовичем произошло, когда он отдыхал зимой в Комарове и часто к нам приходил (днем он катался на лыжах, вечером иногда смотрел фильмы). Его интересовали рассказы моего отца о довоенной Академии наук, когда тот был аспирантом в Пушкинском Доме, о старых пушкинистах и академиков того времени. О президенте Академии наук в 1936–1945 гг. Владимире Леонтьевиче Комарове, который, нимало не боясь опоздать на академическое заседание, просил извозчика ехать медленнее, говоря: “Я гуляю” (теперь он гуляет вечно – после захвата Карельского перешейка у Финляндии в 1940 г. его именем, а вовсе не в честь, как думают, кровососущих насекомых, назван поселок Келомяки, ставший Комаровом, где я живу на даче и часто встречаю его в лесу), а когда его попросили прочесть заранее подготовленную кем-то речь, как оказалось, о “загнивании буржуазной культуры”, он, прочитав полстраницы, прервал чтение и заявил: “Позвольте, но все-таки дела там не так уж плохи – вот, недавно я слушал по радио передачу оперы из миланской Ла Скала – прекрасное исполнение!”. На ту же тему мне вспоминается рассказ отца по поводу доклада Ахматовой об источниках пушкинского “Золотого петушка”, обнаруженных ею у Вашингтона Ирвинга. Когда она спросила, читать ли ей цитаты только во французском переводе (с которым был знаком Пушкин и который был в его библиотеке) или также и в английском оригинале, испуганный ученый секретарь ответил: “Читайте только по-русски”. Или рассказ отца об академике Иване Ивановиче Мещанинове, попросившем проводить его домой в день обнародования “гениального труда” Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, предвещавшего такой же разгром лингвистики, как до этого – генетики: дойдя до дому, академик улегся на постель прямо в галошах, а когда подали обед, стал есть суп с пирожным.

А я рассказывал Вячеславу Всеволодовичу об уникальных семинарах по античной филологии Иосифа Моисеевича Тронского, где исследовалась этимология каждого слова и только затем следовал обширный литературный, мифологический и культурно-исторический анализ. Иосифа Моисеевича и его работы Вячеслав Всеволодович высоко ценил. Он как-то сказал, что в его трудах о древнегреческом ударении и по латинской акцентологии, предполагающих самое сухое изложение материала, присутствует поэзия. Я также тогда прочитал Вячеславу Всеволодовичу свою рукопись о своем путешествии через Арктику по Северному морскому пути во Владивосток и далее по Курильским островам. Эти заметки, по совпадению, были от руки мною записаны в книгу оксфордского издания тома стихов символиста Вячеслава Иванова “Свет вечерний” (на корешке с опечаткой: Свет веуерний) с вплетенными в обложку чистыми листами бумаги. Помню, что Вячеслава Всеволодовича заинтересовало, писал ли я это сразу начисто, и он заметил, что русская литература, с ее особой историей, в основном не пошла по пути европейского модернизма. Но больше всего меня поразило, что всего несколько лет назад, то есть спустя полвека, Вячеслав Всеволодович припомнил в какой-то связи рефрен эпизода, где я гляжу с вершины вулкана на Курильском острове Кунашир на прекрасно видимый японский Хоккайдо: “Japan, Japan” (тогда, впрочем, он предлагал заменить контекстуально оправданное английское название страны на аутентичное – “Nippon”).

Кстати, сразу после той поездки я навестил Вячеслава Всеволодовича на даче в Переделкине. Это было вскоре после вторжения в Чехословакию советских войск в августе 1968 года, когда несколько человек, из которых я хорошо знал Наташу Горбаневскую, вышли с протестной акцией на Красную площадь. Мы, разумеется, одинаково оценивали смелость этих людей, за которую они заплатили годами тюрем и психушек. Однако я не одобрял, что Наташа вышла на площадь с грудным сыном Осей, буквально рискуя его жизнью, о чем сказал Вячеславу Всеволодовичу, который заметил, что в традиции революционеров ставить общественные ценности выше личных и семейных.

Тогда же произошел забавный эпизод. Когда вечером Вячеслав Всеволодович провожал меня к московской электричке, возле нас остановилась машина, и ехавшие в ней люди приветливо с ним поздоровались, а Вячеслав Всеволодович им меня представил (привожу его слова, поскольку они гораздо больше характеризуют его, нежели меня, двадцатитрехлетнего) как “поэта и ученого из Ленинграда” (лестные эпитеты все же опускаю). Те, в свою очередь, предложили подвезти меня до Москвы. Проезжая Триумфальную арку на Кутузовском проспекте, я позволил себе пошутить, что она построена для войск, возвращающихся из Чехословакии, но к шутке они отнеслись сдержанно. Их лица, в особенности дамы, казались мне знакомыми, и я всю дорогу ломал голову, кто это мог быть, и на следующий день спросил об этом Вячеслава Всеволодовича по телефону. “Как же Вы не узнали, – отвечал он. – Плисецкая и Щедрин!”.

Разумеется, мы постоянно встречались с Вячеславом Всеволодовичем на всевозможных конференциях. Бывая в Москве, я приходил в Институт славяноведения и балканистики АН СССР на заседания Сектора структурной типологии, которым на протяжении 30-и лет заведовал Вячеслав Всеволодович. В числе его сотрудников были такие замечательные ученые, как Исаак Иосифович Ревзин, Андрей Анатольевич Зализняк, Дмитрий Михайлович Сегал, Татьяна Михайловна Николаева, Татьяна Владимировна Цивьян и, конечно, постоянный соавтор Вячеслава Всеволодовича, ученый столь же легендарный – Владимир Николаевич Топоров. (Мы, опять же в шутку, проецировали на них мотив близнечного культа, которым они занимались, а мне выпала честь написать в соавторстве с Владимиром Николаевичем обширную статью “Ахматова и Данте” и несколько статей для энциклопедии “Мифы народов мира”.)

Несколько раз приглашали выступить “на Секторе” и меня. В числе ученых этого круга были и Ольга Григорьевна Ревзина, Елеазар Моисеевич Мелетинский, Борис Андреевич Успенский, а также выдающийся специалист по русской поэзии Серебряного века, прежде всего Ахматовой, Роман Давидович Тименчик, и занимавшиеся поэзией Мандельштама два “Юры” – Фрейдин и Левин. Надо сказать, что для той интеллигентной среды, к которой принадлежало наше окружение, атмосфера, царившая на Секторе, выделялась не только интеллектуальной свободой, но и отсутствием какой-либо закрытости и клановости. Ежегодным важным и любимым событием для этого содружества ученых были в те годы так называемые “Летние школы семиотики”, или “Летние школы по вторичным моделирующим системам” в Тарту под эгидой Юрия Михайловича Лотмана. Хотя мои связи с “тартуанцами” были более давними (в более либеральном Тарту я сделал свои первые доклады и публикации Введенского и Хармса из обнаруженного мной архива мало кому известных тогда обэриутов), в “Летних школах” я стал по молодости лет участвовать, кажется, с 1968 года. Тогда они проводились уже не в Кяэрику близ Тарту, а в самом Тартуском университете. Там, помимо интереснейших докладов, не менее замечательной была возможность неформального общения с коллегами, в том числе с Вячеславом Всеволодовичем.

Из других конференций, где мы встречались (помимо московских и ленинградских), памятна конференция по классической филологии в Ереване с ее многочисленными поездками по древним памятникам; там я как раз заканчивал французскую статью об анаграммах и имел замечательную возможность советоваться с Вячеславом Всеволодовичем. Запомнилась и наша поездка вдвоем на машине по Англии после Ахматовской конференции в Бирмингеме. Мы побывали в поместье Байрона – там с нами был остроумный общий знакомый, который, когда мы подходили к воротам, украшенным родовым гербом с геральдической латинской надписью, воскликнул: “Кома, если Вы ее не переведете, я всем скажу, что Аверинцев главнее!”. Смеясь, Вячеслав Всеволодович тут же перевел ее – кстати, настолько простую, что для этого даже не надобно было знать латынь – “Crede Vugon”, то есть “Доверяй Байрону”. А по пути в Лондон мы заходили с ним во множество старинных церквей, в которых не было ни души, но они оставались открытыми для посетителей.

Особенно же памятны мне наши встречи в Грузии, где нас принимала бывшая аспирантка Исаака Иосифовича Ревзина – Нани Чанишвили, организовавшая замечательную поездку во главе с Юлоном Гагошидзе по раскопанным им археологическим памятникам. В числе других мы посетили Дедоплис Миндори (“Поле царицы” – древний, особым образом ориентированный на местности священный участок земли, к которому нельзя прикасаться и который не распахивают по сей день) с храмовым комплексом II–I веков до н. э., посвященным богам маздеистского круга, слившимся с древними местными астральными божествами.

Другая встреча в Грузии была совсем особенной. В 1979 г. в Россию в последний раз приезжал Роман Осипович Якобсон (до этого, кстати, побывавший на одной из “Летних школ семиотики”) со своей очаровательной женой Кристиной Поморской. В кругу филологов приезд Романа Осиповича вызвал ажиотаж – например, люди, встречавшие его в аэропорту, буквально спорили, кто “имеет больше прав” отвезти его оттуда. Вячеслав Всеволодович, наиболее близкий из друзей Якобсона в России, в этом участия не принимал. Он тогда работал в Тбилиси со своим соавтором по индоевропейским исследованиям Тамазом Валериановичем Гамкрелидзе (итогом их многолетнего сотрудничества явился изданный в Грузии замечательный двухтомник “Индоевропейский язык и индоевропейцы”). Там Вячеслав Всеволодович и ожидал Романа Осиповича, который из Москвы должен был полететь в Тбилиси для участия в масштабном Симпозиуме по проблемам бессознательного. Перед его отъездом множество коллег собрались в его номере гостиницы в начале Тверской, где накануне мы посетили его с Николаем Ивановичем Харджиевым. Когда за Якобсоном прибыли грузинские представители, выяснилось, что они со своей стороны этой стороне широтой зафрахтовали для него целый самолет, и я их спросил, можно ли к ним присоединиться, на что они охотно согласились. Так я, к зависти всех остающихся, улетел с Романом Осиповичем и Кристиной, которая посадила нас рядом, и я имел уникальную возможность всю дорогу туда, а потом обратно, с ним беседовать. Самолет встречал Вячеслав Всеволодович, который был немало удивлен моему появлению вместе с Якобсоном, и в последующие дни, хотя мы и встречались все вместе, я старался не мешать их общению.

Конечно, мы встречались с Вячеславом Всеволодовичем не только на конференциях, но и у него дома – как в Лаврушинском, так и на его даче в Переделкине, а потом, после его женитьбы на Светлане Леонидовне, которую все полюбили (это, наверное, был самый счастливый брак, какой я видел), – в квартире на Тверской, а затем и на Олимпийском проспекте. А в один из своих приездов в Ленинград Вячеслав Всеволодович со Светланой останавливались или, как говорили в старину, “стояли” у меня.

Везде, где возможно, я старался слушать его выступления. Помню, в частности, давний курс лекций на Сценарных курсах в Москве. Вячеслав Всеволодович читал лекции в своей неторопливой манере, которую я очень любил, как будто размышляя вслух, изредка поглядывая немного исподлобья на слушателей. Уже давно Светлана начала записывать его лекции и доклады на пленку (и я даже приходил их прослушать к ним домой, где она оставляла меня наедине с магнитофоном). Теперь же, благодаря Интернету, в сети доступно множество его выступлений. И конечно, я всегда, когда мог, приезжал 21 августа на празднование дня его рождения на даче в Переделкине. В этот день съезжались старые коллеги и друзья – и те, чьи имена я уже называл, и многие другие примечательные люди, в том числе Владимир Андреевич Успенский, Сергей Петрович Капица, Виктор Шендерович, режиссеры Кама Гинкас с женой Генриеттой Яновской, переделкинские соседи – семья Латыниных и Евгений Рейн. Постоянно приезжала из Парижа Лора Трубецкая. И многие, многие другие. Наряду с ветеранами, были и молодые гости, но их состав менялся. В саду накрывались столы, в плохую погоду над столами ставились навесы. А самое интересное наступало, когда после разъезда большей части гостей небольшой круг оставался посидеть с Вячеславом Всеволодовичем и Светланой Леонидовной на выходящей в сад небольшой террасе.

Помню и момент, когда Вячеслав Всеволодович лежал в больнице, где ему должны были заменить коленный сустав, а тогда эта операция считалась более серьезной, чем сегодня. Больница располагалась в начале Ленинского проспекта, и пациенты могли выходить гулять в парк Горького с совершенно дикой его стороны. Мы с Топоровым пришли навестить Вячеслава Всеволодовича и долго гуляли по парку, разговаривая главным образом об упоминавшейся уже энциклопедии “Мифы народов мира”, для которой мы все писали статьи. И каким было облегчением, когда мы узнали, что операция прошла благополучно!

Несколько раз Вячеслав Всеволодович принимал непосредственное участие в моих жизненных обстоятельствах. После окончания аспирантуры и защиты диссертации я остался работать в ленинградском Институте языкознания АН СССР, где спустя пять лет должен был пройти переаттестацию. Как правило, в академических институтах эта процедура была простой формальностью. Работа сотрудника оценивалась с научной точки зрения, а партийное бюро, к которому я, разумеется, не имел никакого отношения, давало ему идеологическую оценку. С первым у меня было все благополучно (помимо прочего, на основе диссертации я выпустил к тому времени книгу “Язык трубадуров”). Но вмешался КГБ, и партбюро послушно (и со своей точки зрения справедливо) сочло мой идеологический облик несовместимым со званием советского ученого (впоследствии эта история окончилась моим арестом и суровым приговором, однако после четырех лет тюрем и лагерей я, как и все политические заключенные, был освобожден уже во время перестройки). Это был крупный скандал, и Агния Васильевна Десницкая, директор Института, сама находившаяся в уязвимом положении, старалась, как могла, найти какой-то выход, но больше, чем предложить мне уволиться по собственному желанию, она сделать не могла.

Попытался найти выход и Вячеслав Всеволодович, оказавшийся тогда в Ленинграде. Напомню, в 1958 г. его самого подобным же образом изгнали из Московского университета за несогласие с официальной оценкой романа “Доктор Живаго” Пастернака, с которым он был дружен с ранних лет, и за солидарность со взглядами Романа Jakobсона; разумеется, он был “невъездным”, в частности из-за подписания протестных писем против реабилитации Сталина и, насколько помню, военного вторжения в Чехословакию в 1968 году. А раньше – в 1966 г. – он хотел выступить общественным защитником Юлия Даниэля в знаменитом процессе по “делу Синявского и Даниэля”. Разумеется, разрешение на это не было дано. Поскольку я также занимался семитологией, Вячеслав Всеволодович предложил на встрече “при закрытых дверях” в кабинете у Десницкой перевести меня с моей академической ставкой в Институт востоковедения АН СССР, и попросил Игоря Михайловича Дьяконова принять меня в свой сектор Древнего и Ближнего Востока (название это всегда казалось мне странным – союз “и” был явно излишним). Игорь Михайлович, которого я знал и глубоко уважал, проэкзаменовал меня (он предложил мне перевести и объяснить начало библейской “Песни песней”, поэтический перевод которой он в то время готовил), согласился, но дирекция Института все по той же причине воспротивилась.

Одновременно, опять-таки по той же причине, был рассыпан набор уже готовой моей следующей книги в академической серии “Из истории мировой культуры” – о трубадурах для более широкого круга читателей (главный редактор издательства с говорящей фамилией Чугунов мне прямо сказал: “Мы имеем право не печатать десять процентов запланированных книг, и ваша книга всегда будет в этих десяти процентах”). Верстку рассыпанной книги я давал читать, на правах “самиздата”, друзьям и коллегам, в том числе Вячеславу Всеволодовичу, с которым мы потом подробно ее обсуждали.

Помню наш разговор по поводу места, посвященного приговору, вынесенному Данте воинственному трубадуром Бертрану де Борну: за то, что тот побуждал Генриха-Молодого короля к междоусобной войне со своим отцом Генрихом II Плантагенетом, автор “Божественной комедии” обрек его вечно брести по адскому кругу, неся, как фонарь, собственную голову (*Inferno* XVIII, 133–142; сходный мотив встречается в житийной литературе). Я из любви к поэзии Бертрана (которого также ценил и переводил знаток поэзии трубадуров Эзра Паунд, а последнего, в свою очередь, переводил Вячеслав

Всеволодович) несколько наивно замечаю в книге, что столь суровый приговор я бы смягчил, поместив Бертрана если не в рай, то хотя бы в чистилище. По этому поводу Вячеслав Всеволодович со свойственным ему мягким юмором спросил: “Вы, кажется, к выбору этих мест имеете отношение?”.

Другой случай связан с появлением пасквильных сочинений моего бывшего друга, направленных против меня и моей семьи. Когда я поделился этими горестями с Вячеславом Всеволодовичем, тот в утешение мне заметил, что “мы живем в эпоху распада”. Это напомнило мне, что когда я в молодости тяжело болел, он, сам много болевший, сказал мне, что болезни ведут себя волнообразно – они приходят и уходят.

После переезда Вячеслава Всеволодовича в Америку мы встречались, конечно, гораздо реже, преимущественно на днях его рождения. Когда же у меня была стипендия Фулбрайта в Нью-Йорке и я совершал поездку с лекциями по Америке, Вячеслав Всеволодович предложил мне прочитать лекцию у него в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Правда, мне кажется, что, хотя университет считается очень хорошим, уровень студентов славянского отделения явно оставлял желать лучшего, и едва ли они могли оценить значение Вячеслава Всеволодовича. Впрочем, с подобной проблемой сталкивались все, кто преподавали в западных университетах.

7 октября 2017 года в фейсбуке Светланы появился пост, состоявший из единственного слова: *Всё*. Тем же словом заканчивали свои произведения обэриуты, в том числе Хармс, одной из пьес которого Вячеслав Всеволодович посвятил статью «Египет амарнского периода у Хармса и Хлебникова: “*Lana*” и “*Ka*”». В ее основу был положен доклад Вячеслава Всеволодовича на конференции к столетию Хармса, той самой, после которой мы катались по петербургским каналам на катере, и он высказал мысль о том, что неолитическая революция и последовавшее ускорение цивилизации требовались, чтобы Вселенная могла осознать себя через человека. И если это такой человек, как Вячеслав Всеволодович Иванов, – то антропная гипотеза представляется вполне вероятной.

The Universe recognizes itself via the human species

M.B. MEYLAC*

*Michael Meylac – Sc. D. (Philology), professor emeritus, University of Strasbourg. Address: Faculté des Langues – Département d’études slaves, 22 rue René Descartes BP 80010 67084 Strasbourg Cedex.
E-mail: mmeylac@gmail.com

Abstract

In his article, the well-known philologist, poet and translator who for many years had been friends with Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, limited himself to some memories of their relationship. Believing that Ivanov’s well acknowledged contribution to science does not require any further specific evaluation, the author rather focuses on various episodes of the story of their friendship. This also gives an idea of the atmosphere in which true scholars in the Soviet Union defended their rights for free scientific creation, and how Ivanov could make an oasis of freedom and independence not only for himself but also for colleagues associated with him.

Keywords: Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, linguistics, freedom of scientific creation, ethics of science.

© М. Мейлах, 2019